

Увлекаюсь - увлекай

Виктор Сумский, член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра

13 апреля 2013 года исполнилось 60 лет Виктору Владимировичу Сумскому – доктору исторических наук, директору Центра АСЕАН при МГИМО (У) МИД РФ, члену Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра и крупному специалисту по проблемам современной Юго-Восточной Азии.

Среди наших соотечественников не так уж много людей, связавших свою жизнь с Юго-Восточной Азией столь же прочно и разнообразно. Дипломатическая и научная работа, преподавание в вузах, комментарии в СМИ, художественные переводы и даже подготовка туристических путеводителей – вот тот диапазон, в котором развивается деятельность юбиляра. О том, с чего начинался этот «захватывающий маршрут» и к чему он привел сегодня, Виктор Сумский расскажет сам в рамках нашего проекта [«Без галстука»](#).

Детство было счастливым

Происхожу я, как писали в анкетах советского времени, «из служащих». Отец – уроженец Самары, но, в сущности, москвич. Ветеран Великой Отечественной войны, на фронт ушел летом 41-го, сразу после окончания средней школы. Воевал на Курской дуге, в Белоруссии, Прибалтике. 9 мая 1945 года ему, 22-летнему лейтенанту-артиллеристу, довелось ходить парламентаром к немцам, блокированным в знаменитом *Курляндском котле*. После войны папа работал в оборонном НИИ. Мама родилась в Сибири, в многодетной семье железнодорожного мастера. Получила высшее юридическое образование в Москве, со временем стала главным юрисконсультom Министерства лесного хозяйства РСФСР. Что такое родительская любовь, я знал с первых дней жизни.

Рос я в коммунальной квартире в центре Москвы, на Смоленском бульваре. Сейчас преобладает мнение, что «коммуналки» были сущим адом. В нашем случае всё обстояло не так. Соседи были фактически нашими родственниками, отношения с ними были теплые и дружеские. Случалось, по праздникам мы даже делали стенгазеты, и не по обязанности, а под настроение. Я был самым младшим членом этой «большой семьи», дети наших соседей были постарше. В людях этого поколения – *шестидесятниках* и *стилягах* – было очень много света, душевного здоровья, оптимизма.

От Гагарина – на долгую память

Неизгладимые впечатления – на то и неизгладимые, чтобы оставаться с нами навеки. Прекрасно помню утро 12 апреля 1961 года. Я – первоклассник, завтра мне исполнится 8 лет. В момент, когда я уже предвкушаю свои завтрашние радости, в класс входит директор школы. Она объявляет о полете в космос Юрия Гагарина, и обычный день в мгновение ока превращается во всенародный праздник. Уроки отменяются, прерывается работа в учреждениях и на предприятиях, останавливается уличное движение. Москву охватывает

абсолютно неподдельное ликование. Страна показала и себе, и миру, на что она способна, и восхитилась собственной мощью. Забыть такое, конечно, невозможно.

Как пробуждался интерес к "иностранным делам"

Первой песней Высоцкого, которую я услышал, была *В Пекине очень мрачная погода*. Поразило все – и авторская интонация, и тема, и текст. Дело было в августе 1966 года, «культурная революция» в Китае только-только начиналась. Чтобы понять, о чем поется в этой ни на что не похожей песне, пришлось обратиться к газетам.

А сколько еще происходило в тогдашнем мире поистине эпохальных событий! На мои школьные годы пришлось и Карибский кризис, и несколько вспышек ближневосточного конфликта, и эскалация войны в Индокитае, и 1968 год во всех его проявлениях – от студенческих бунтов в Париже до *Пражской весны* в Чехословакии. Разумеется, я был не в состоянии понять и оценить все это должным образом. Однако общее ощущение сложности того, что называют «международными отношениями», и желание хоть как-то в этом разобраться зародились именно в подростковом возрасте. В чем-то это настроение поддерживалось вещами отнюдь не политическими – скажем, книгами из 20-томной «Библиотеки приключений», мысленно переносившими меня из страны в страну, или упоительной музыкой «Битлз» (чьим горячим поклонником я был и остаюсь).

А из нашего окна площадь Крымская видна

В 1970 году я закончил одну из первых в Москве английских спецшкол – школу №23 на Крымской площади, напротив старого здания МГИМО. Язык там учили серьезно. В начальных классах с нами долго занимались фонетикой, ставили произношение, позже преподавали на английском такие предметы, как география и история, были даже отдельные уроки физики и химии на английском языке. А еще мы прослушали большие курсы по истории английской и американской литературы. Как водится, в нашем классе были и свои *физики*, и свои *лирики*, но характерно, что во взрослой жизни английский язык пригодился практически всем. Что касается меня, то после 10 класса я поступил в МГИМО, на факультет международной журналистики.

МЖ

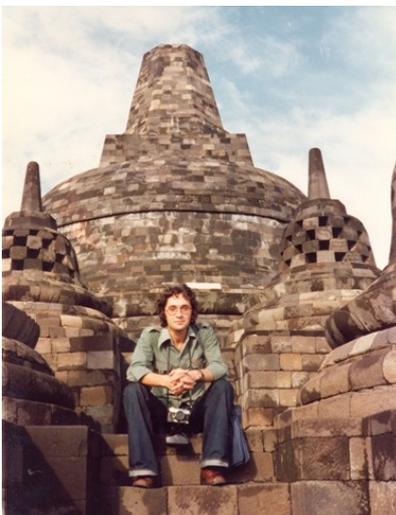
В те годы крупные журналисты-международники воспринимались почти как небожители. При этом число людей, занятых в этой профессии, было не столь уж незначительным. Газеты, именовавшиеся центральными, – *Правда*, *Известия*, *Комсомольская правда*, *Труд* и другие – освещали события в мире не на основе сообщений международных информационных агентств, как поступают сегодня российские СМИ, а полагаясь на материалы собственных зарубежных корреспондентов. Хотя имена последних не всегда звучали так же громко, как у ведущих знаменитой «Международной панорамы», многолетняя работа за рубежом давала им возможность накапливать немалые познания о политической, экономической и повседневной жизни соответствующих стран и регионов.

Не буду кривить душой: поступая в институт, я не собирался изучать индонезийский язык. Но предложение на этот счет принял, и сегодня ничуть не жалею об этом. Моей первой учительницей была молоденькая и очень привлекательная индонезийка по имени Ами Интойо. Кафедральное начальство, всегда отличавшееся серьезностью, сразу велело нам называть ее «Бу Гуру» – «Мать-наставница». Она приехала в СССР в конце 1950-х годов вместе с отцом, профессором Интойо, воспитавшим в МГИМО несколько выпусков индонезистов. После государственного переворота 1965 года ему и его семье пришлось остаться в Москве. Когда пожилой профессор был вынужден отойти от дел, Ами, закончившая к тому времени истфак МГУ и превосходно говорившая по-русски, приняла у него профессиональную эстафету. С Бу Гуру мы дружим до сих пор. После падения режима Сухарто она наконец-то побывала на родине, привезла оттуда материалы по генеалогии своего рода, принадлежащего к высшей яванской аристократии. А еще Бу Гуру – родственница отца-основателя независимой Индонезии Сукарно и, естественно, его дочери Мегавати Сукарнопутри – пятого президента Республики Индонезия (а также почетного доктора МГИМО).

Среди моих любимых педагогов был Роберт Нисонович Коригодский – автор двухтомного индонезийско-русского словаря, человек исключительно тактичный и доброжелательный. Лариса Михайловна Ефимова и Николай Павлович Малетин, читавшие спецкурсы по истории, современному положению и внешней политике стран ЮВА, прививали студентам вкус к самостоятельному изучению этих предметов. Счастлив, что сегодня снова встречаюсь с ними в стенах alma mater. Не могу не вспомнить и Николая Никаноровича Разумовича – человека громадной эрудиции и блестящего лектора, читавшего нам историю политических учений. Желание заниматься исследовательской работой крепло у меня под влиянием примера всех этих людей и в общении с ними.

Дороги, которые мы выбираем – и дороги, которые выбирают нас

Наверное, проблема выбора жизненного пути остается с любым из нас (включая тех, кто думает, что выбрал свой путь однажды и навсегда), пока мы живы. Правда, чем дальше, тем меньше амплитуда возможных отклонений от первоначального маршрута. Так или иначе, какие-то корректировки допустимы даже и в моем возрасте. Но разве не бывает и так, что жизненные пути выбирают нас?

За годы обучения в институте я успел приобрести определенный журналистский опыт. Дважды использовал летние каникулы для работы в местных газетах (сначала в Северодвинске, потом – в Находке), стажировался в ТАСС, проходил преддипломную практику в «Новом времени». Однако, начиная с третьего курса, все в большей степени склонялся к тому, чтобы пойти «в науку». Накануне выпуска собирался поступать в аспирантуру Института востоковедения АН СССР. Все к тому и шло, как вдруг в момент распределения мне предложили поработать в Индонезии по

линии МИД. Я слегка опешил, но потом решил, что командировка в «страну изучаемого языка» мне совсем не повредит.

Генконсульство в Медане

В МГИМО у меня было стойкое ощущение, что Индонезии мне почти наверняка не видать. В 1965-67 годах страну потряс антикоммунистический переворот, исполненный с чудовищной жестокостью. Эпоха советско-индонезийской «любви и дружбы» резко оборвалась. На площадке холодной войны Индонезия пусть и не демонстративно, но достаточно явно играла «за другую команду». При таких условиях поездка туда воспринималась как чудо.

Генеральное консульство, в котором я проработал с 1975 по 1979 год, находилось в городе Медан, на севере острова Суматра. Хотя у нас там были торгово-экономические интересы (через порт Белаван, расположенный в окрестностях Медана, в Советский Союз отгружались партии натурального каучука и другой плантационной продукции), это учреждение не столько исполняло консульские функции, сколько наблюдало за текущими событиями в третьем по значимости городе страны и на его периферии. Анализируя то, что заслуживало анализа, оно по мере сил дополняло бытовавшие в МИД представления о траектории и тенденциях развития Индонезии. Казалось бы, никаких сверхзадач мы не решали. Но ведь и коллектив был небольшой, поэтому недостатка в работе не было – особенно у младших по должности и вновь прибывших. Сейчас понимаю гораздо лучше, чем тогда, что прошел там нужную и хорошую школу. Ведь заниматься приходилось буквально всем – от составления справочно-информационных материалов до оформления прав собственности на здания, в которых размещалось генконсульство, а также сопровождения к местным докторам различного профиля тех советских коллег обоего пола и членов их семей, которые не знали языка. Зачастую спросить совета было не у кого, жить и работать приходилось в режиме самообразования, но это и было залогом роста – как профессионального, так и личностного.

У нас с индонезийцами много общего

Самое интересное, что есть в любой стране, – ее жители. Все материальные ценности, исторические памятники, объекты современной инфраструктуры и прочие достопримечательности – по существу, дела их рук и демонстрации того, на что они способны.

Как и другие обитатели Юго-Восточной Азии, индонезийцы веками учились (и, по-моему, неплохо научились) сочетать восприимчивость к внешним культурным влияниям с трепетным отношением к своим корням. Однозначный выбор в пользу того, что идет «снаружи», или того, что идет «изнутри», им заведомо не подходит. Им непременно нужна «золотая середина» в виде органичного соединения родного и заимствованного.

Эта «сквозная тема» особенно чувствуется у яванцев. Мне очень импонирует господствующая в их среде манера общения, их способ «подачи себя». Независимо от социального статуса, истинного яванца отличает чувство собственного достоинства, установка на поддержание душевного равновесия и самоконтроля, не позволяющая следовать сиюминутным порывам. Есть в этом что-то очень поучительное, особенно для русских людей, которых частенько подводят эмоции.

В остальном у нас с индонезийцами немало общего. Наши соотечественники, жившие в Индонезии подолгу и размышлявшие о том, что видели, обычно уезжали оттуда именно с этим ощущением. Как и Россия, Индонезия – громадная, этнически очень разнообразная страна с невероятным набором природных ресурсов, с неизбывным ощущением своего богатства и потенциала. Нашим народам присуще имперское сознание, причем отнюдь не в плохом смысле этих слов. Они верили и верят в свое историческое предназначение, но одновременно сомневаются в себе из-за того, что их способности пока не реализованы в полной мере.

Из дипслужбы в науку

Вернувшись из командировки, я по доброй воле направился из МИД туда, куда собирался еще из МГИМО, – а именно, в Институт востоковедения. Хотя шаг был спланированный и заранее объявленный, он вызвал некоторое недоумение и в «точке А», и в «точке Б». Всё-таки подобное случалось тогда не часто. Не скажу, что этот переход прошел во всех отношениях легко, но со своими проблемами я справился: кандидатскую защитил первым в той группе, в которой начинал учебу в аспирантуре. Моим научным руководителем был Александр Борисович Беленький, историк очень высокой квалификации, издавший фундаментальные труды по проблемам национально-освободительного движения в Индонезии.

Диссертация, которую я подготовил, представляла собой сравнительное исследование современного политического развития и официальных идеологий двух азиатских стран. После защиты перечитал свой текст, добавил к двум «объектам исследования» третий, и вскоре выпустил монографию под названием «Национализм и авторитаризм. Политико-идеологические процессы в Индонезии, Пакистане и Бангладеш» (Москва, 1987).

Было чему поучиться и у кого поучиться

Пожалуй, ни одно из учреждений, где мне довелось работать, не впечатляло меня так, как Институт востоковедения, каким я застал его в 1980-х годах. Это был подлинный центр комплексных, междисциплинарных исследований, связанных с проблематикой Востока. Там был великолепный отдел языков, укомплектованный сотрудниками-полиглотами, очень сильный отдел Древнего Востока. Подразделение, где я работал, называлось «отделом общетеоретических проблем». Фактически это был институт в институте. Наша наука обязана ему и его интеллектуальным лидерам (прежде всего, Нодари Александровичу Симония, в котором я вижу своего главного учителя) целым рядом выдающихся достижений.

Но даже среди них выделяется коллективная монография «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного» (Москва, 1984). Считаю знакомство с этой книгой обязательным для каждого, кто интересуется закономерностями мирового развития и хочет понять, что происходило с петровских времен и происходит сегодня с нашей собственной страной.

И в нашем отделе, и во всем институте господствовал дух увлеченности любимым делом, взаимной приязни сотрудников на почве этой увлеченности. С устного обмена оценками и информацией начинался каждый присутственный день. Беседы, проходившие в институтских коридорах и на лестничных площадках, были зачастую более содержательными, чем «обычные» конференции и семинары.

С багажом, накопленным в ходе этих собеседований, я пришел в 1988 году в ИМЭМО, где продолжил работу под руководством Н.А.Симония. Там же состоялись новые встречи с такими видными выходцами из ИВ АН СССР (в просторечии – «иванушками»), как Владимир Георгиевич Хорос и Геннадий Илларионович Чуфрин. У каждого из них я многому научился, к каждому испытываю чувство глубокой признательности. То же могу сказать о Вячеславе Федоровиче Урляпове – с моей точки зрения, одном из лучших российских специалистов по проблемам современной Юго-Восточной Азии и АСЕАН.

Увлекаюсь – увлекай

Ученый не обязан быть педантом и занудой. Настоящий научный труд не только может, но и должен быть нескудным. Если тебя увлекает какая-то проблема, то слова и образы, которые увлекут читателя, найдутся сами собой.

Я постоянно напоминал себе об этих вещах, пока работал над двухтомником «Фиеста Филипина» (Москва, 2003) – вероятно, лучшим, что я сделал до сих пор. Филиппины – моя вторая любовь после Индонезии. Писать старался так, чтобы интересно стало и тем, кто не знает об этой стране ничего, и тем, кто думает, что знает о ней все. Получилось ли? Надеюсь, что отчасти получилось.

«Формула Сумского»

Попробовав себя в различных областях, я однажды понял, что по характеру и умонастроению «не укладываюсь» целиком ни в одну из них. Стал задумываться о том, возможно ли совместить в своей деятельности те навыки журналиста, дипломата и ученого, которые я, так или иначе, приобрел. Когда уже казалось, что все это пустые мечты, Анатолий Васильевич Торкунов пригласил меня в Центр АСЕАН при МГИМО. Моя нынешняя работа максимально приближена к той «формуле профессиональной занятости», которая обрисована выше.

Семья

Мою дочь зовут Надя, ей шестнадцать лет. Для своего возраста она человек начитанный, грамотно пишет по-русски, у нее определенно пробуждается интерес к гуманитарным дисциплинам, особенно к отечественной истории. Какой бы выбор в жизни она ни сделала, чувствую, что пойдет она своим путем, руководствуясь своими побудительными мотивами, пусть даже в сферах деятельности, которые соприкасаются с моими.

Надина мама и моя жена, Елена, работает совсем в другой области. Она программист, причем высококвалифицированный и востребованный. Благодаря столь явной «разности потенциалов» мы взаимно дополняем и обогащаем друг друга. Рассказываем и объясняем друг другу вещи, которые она знает лучше меня, а я знаю лучше нее.

Ценю в людях...

Если человек нам нравится, то вряд ли только потому, что он храбрый или честный. Нравится обычно какое-то своеобразное, сугубо индивидуальное сочетание качеств. Мне, например, очень нравятся люди, в которых ум и тактичность сочетаются с легкой иронией по отношению к самим себе. Очень ценю людей, которых принято называть надежными. Это ведь тоже характеристика, дающаяся «по совокупности достоинств».

Интервью подготовил стажер ПИР-Центра Артем Блащаница